

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 271

О. О. Смолина

КУЛЬТУРА ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА: ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема идентичности в контексте существования двух основных типов православного монашества. В работах исследователей монашества и в трудах самих монахов внимание часто сосредоточено на парадоксальности и двойственности воплощения монашеского идеала как стремления быть «не от мира сего», оставаясь «в мире сем». Эта антиномия привела к формированию двух типов монашества — «социально ориентированного» и «созерцательного». Их специфика находит отражение не только в укладе монастырской жизни и связях с социумом, но и в особенностях восприятия времени, пространства, индигенного типа личности и т. п. Принимая во внимание этот факт, автор статьи предлагает для обозначения сформировавшихся типов монашества, их идентичностей и картин мира ввести два понятия: «монастырская культура» как культура социально ориентированного типа монашества и «монашеская культура» как культура его созерцательного типа. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: православное монашество, идентичность, «монашеская культура», «монастырская культура».

O. O. Smolina

THE CULTURE OF ORTHODOX MONASTICISM: THE SEARCH FOR IDENTITY

The article analyzes the problem of identity in the context of the presence in the culture of the Orthodox monasticism two its guiding types. In the works of a number of researchers of the orthodox monasticism, and in the words of monks themselves the attention is focused on the paradoxical duality of the monastic ideal incarnation as to be «not of this world», and to be «in this world» at the same time. This antinomy led to the formation in fact two main types of monasticism — the so-called socially-oriented one and the contemplative one. Their specificity is reflected not only in the way of monastic life and relationships with society, but also in features such as the characteristics of the culture's perception of time, space, indigenous personality type, etc. Taking into account this fact, it is proposed to designate the formed types of monasticism, their identities and pictures of the world to introduce the concept “monastery culture” as a culture of socially oriented type of monasticism, and “monastic culture” as the culture of its contemplative type. Refs 15.

Keywords: the orthodox monasticism, identity, «monastery culture», «monastic culture».

В существующих исследованиях преобладает тенденция рассматривать культуру православного монашества исключительно с точки зрения исторического

Смолина Ольга Олеговна — кандидат искусствоведения, доцент, Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля, Украина, 93406, г. Северодонецк, пр. Советский, д. 59А; obrazos@yandex.ru

Smolina Olga O. — Candidate of Art Criticism, Associate Professor, East Ukrainian National University, Vladimir Dal, 59A, Sovetskiy pr., Severodonetsk, 93406, Ukraine; obrazos@yandex.ru

развития ее форм. Публикации же, в которых эта культура исследовалась бы не в диахронии, а в синхронии, практически отсутствуют. В результате существенные особенности данной культуры ускользают от внимания исследователей. Одной из таких особенностей является наличие в культуре православного монашества глубокой внутренней проблемы, которую в целом можно определить как парадоксальное стремление быть «не от мира сего», пребывая «в мире сем». Данная коренная проблема выражается в вопросах допустимой степени открытости/закрытости монастыря, его изменяемости/неизменности и других аспектах взаимодействия монастыря и социума. С такой точки зрения культура православного монашества предстает как образование не монолитное, но имеющее свои подтипы, что, в свою очередь, приводит к необходимости исследования проблемы идентичности в рамках этой культуры.

В данной статье культура православного монашества рассматривается как определенный самостоятельный тип культуры, обладающий инвариантными характеристиками. Выявление этих характеристик позволит построить ее абстрактную типологическую модель. Для этого, в частности, необходимо будет прояснить вопрос об идентичности как соответствии (согласно внешней и внутренней оценке) носителя данной культуры ее особенностям, наличным требованиям и ожиданиям. Понятие «идентичность» здесь будет трактоваться как соответствие образу «истинного представителя» культуры монашества на путях максимально возможного воплощения евангельского идеала. Исследование культуры православного монашества приобретает научную актуальность в связи со складывающейся в последние десятилетия новой картиной мира, изменением представлений о месте и роли религии в жизни общества. При этом православие не может быть адекватно понято без детального рассмотрения такой стержневой его составляющей, как культура монашества.

Принято считать, что основатели монашества прп. Антоний Великий и прп. Пахомий Великий положили начало двум способам организации монашеской жизни — анахоретскому и киновиальному. Общеизвестно также, что монашество дало примеры как сурового, доходящего до самоистязания аскетизма в сирийско-египетской традиции, так и образцы смягченного монашеского идеала и служения миру — в палестинской. Несмотря на признание Церковью равными всех этих путей прохождения монашеского подвига, исследователи, рассматривая культуру монашества в разное время и с разных точек зрения, отмечают наличие в ней определенной глубинной проблемы. В различных работах эта проблема обозначается как парадокс, апория, антиномия, противоречие, компромисс и т. п. Так, Г. Флоровский характеризовал спор «осифлян» и «заволжцев» как «столкновение двух религиозных замыслов, двух религиозных идеалов», как «раздвоение» [1, с. 17–18]. В отличие от других исследователей, он не отдавал предпочтения ни одному из типов: «Главная трудность истолкования в том, что здесь сталкиваются две правды» [1, с. 18].

Касаясь этого же исторического спора, И. К. Смолитч характеризует его как «внутренний надлом» и «внутреннее раздвоение» монашества [2, с. 31]. Отдавая предпочтение позиции и учению Нила Сорского, автор вместе с тем положительно оценивает деятельность монашества на социально-благотворительном, культурном, литературном поприще, хотя это и приводит к углублению противоречий [2, с. 34]. Считая переломным моментом в жизни иночества на Руси именно этот спор,

И. К. Смолич в то же время указывает на факты «внутреннего раздвоения монашества» уже в XII столетии, приводя в пример постепенное обогащение Киево-Печерского монастыря и наращивание благотворительной деятельности его игуменом прп. Феодосием (факт такой деятельности подтвержден в современном исследовании Н. С. Васиховской [3]).

Н. В. Синицына полагает, что спор о типах монастырского устройства и формах монашеского служения и подвижничества (отчетливо проявившийся в уставах прп. Иосифа Волоцкого и прп. Нила Сорского в XV–XVI вв.) зарождался в среде церковных иерархов на рубеже XIV–XV вв. [4, с. 124].

И. Огиенко, рассматривая украинские монастыри в контексте мирового православия, проблемой для монашества считает само существование монастыря как такового. В появлении организованного монашества, с иерархией и уставами, он видит искажение первоначального монашеского идеала, который, по его мнению, состоял лишь в отшельничестве [5, с. 51, 145].

Ж. Леклерк обнаруживает в монашестве две тенденции, связанные с решением двух взаимоисключающих задач — «бежать» и «основывать». Это и определяет сложность, неоднозначность, противоречия и даже конфликты культуры монашества [6, с. 11].

Близкой точки зрения придерживался Д. С. Лихачев. В культуре монашества ему видится двойственность, «своеобразная “диалектика” существования и отрицания существования монастырей, одновременного развития и усугубления аскетизма и мирской жизни, отказа от земных благ и одновременно чрезвычайный рост монастырских богатств» [7, с. 5–6].

Один из современных исследователей, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета М. А. Монин, видит проблему не внутри культуры монашества, а в нашем понимании ее. Он выделяет два типа культуры — «княжескую» и «монастырскую». И если архитектура, литература, отчасти иконография являются адекватным выражением княжеской культуры, то культура монастырская не может быть представлена столь же наглядно. При этом идеал монашества — святость, обожение, спасение — лежит вне мира и, следовательно, вне культуры, считает автор. Монастырскую культуру создает не столько монашество, сколько мир, заключает М. Монин [8].

Говоря о современных перспективах духовной практики исихазма (основной составляющей аскезы монастырей созерцательного типа), С. С. Хоружий также отмечает затруднительность ее совмещения с активной социально-преобразовательной деятельностью. «Это — издревле известное свойство мистико-аскетической практики: отдаваясь ей, человек “уходит от мира”, отключается от всех обычных активностей внешней жизни. Но осуществить глобальную проекцию этой практики должен ведь тот же человек! — В итоге... обнаруживается противоречие, апория, которая может быть названа апорией несовместимости Homo Mysticus и Homo Faber» [9, с. 261].

Необходимо заметить, что рассматриваемое противоречие в культуре православного монашества не ситуативно, не локализовано в рамках одной национальной традиции или исторического периода, но носит глубинный характер. Это парадокс, который можно поставить в один ряд с парадоксальностью догматов христианства, системы ценностей Нагорной проповеди. Он восходит к евангельской притче о Марфе и Марии и к двуединой заповеди, данной Христом: «Возлюби

Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22:37–40). В культуре православного монашества воплощение этой евангельской максимы носит двойственный характер, что приводит к возникновению двух типов культуры монашества. В рамках одного из них задачи обожения, синергии, сохранения в чистоте религиозного опыта жизни по Евангелию решаются посредством традиционных психосоматических аскетических практик при сведении к минимуму контактов с миром; концепция второго типа предполагает реализацию христианского идеала служения ближним при забвении собственных потребностей.

Специфика двух этих типов культуры православного монашества нашла отражение не только в укладе монастырской жизни и связях монастыря с социумом, но и в особенностях восприятия времени, пространства, индигенного типа личности и т. п. Например, наличие в монастыре разных типов социальной или просто трудовой деятельности требует иной организации его территории, чем при профилирующей ориентации только на молитвенное служение. Настоятель монастыря социальной направленности зачастую является личностью деятельной, активной, в то время как созерцательная молитва требует активности прежде всего в духовном измерении.

Мы предлагаем для обозначения первого типа монашества, ориентированного на максимальный уход из мира и психосоматические аскетические практики, ввести понятие «*монашеская культура*», а второй тип, для представителей которого аскеза выступает как служение ближним (воплощающее Евангельскую максиму: «Нет больше той любви как кто душу свою положит за други своя»), обозначить термином «*монастырская культура*». Это «идеальные типы» (М. Вебер), необходимые для понимания культуры монашества и монашеской идентичности как культурной целостности.

Двойственность, породившая названные типы монашества, приводит и к возникновению различных идентичностей внутри культуры монашества. Так, «изнутри» этой культуры высказывается мнение, что уклад жизни в монастырях, находящихся в удалении от людей — пύстынях, и монастырях городских не может быть одинаковым [10]. В первых монахи могут и должны выстроить жизнь по канонам святых отцов — отшельников и аскетов, а монастыри второго типа должны стать центрами духовного окормления населения.

Необходимо заметить, что само монашество начинается с кризиса личности, ощущения несоответствия должного (желаемого) и наличного, потребности в покаянии как «перемене ума». А. Ю. Андрианов, изучив обстоятельства и причины ухода в мужские монастыри в XIX — начале XXI в., среди таких причин, наряду с семейным воспитанием и религиозными впечатлениями детства, выделяет кризисные жизненные ситуации, физические недостатки и душевные травмы [11, с. 16–25]. И. В. Астэр, придерживаясь близкой точки зрения, отмечает: «Основной причиной ухода в монашество является конфликт: как внутриличностный, так и межличностный» [12, с. 16].

С позиций христианства можно выделить две точки зрения на проблему непрерывности и тождественности человеческой личности. С одной стороны, в единении с Богом человек не теряет собственной идентичности. Так, по замечанию Б. Зайцева, монашеская жизнь приводит к проявлению индивидуальных особенно-

стей и характеристик человека [13, с. 41]. С другой стороны, в процессе прохождения монашеского подвига личность человека меняется дважды. Первый этап — это постриг: считается, что человек меняется онтологически, приобретая некоторые (возможно, недоступные поверхностному пониманию) качества и характеристики. Второе сущностное изменение личности происходит при достижении монахом желаемой и искомой цели своего подвига — состояния обожения. Согласно описаниям житий преподобных, человек получает сверхъестественные способности, такие как предвидение будущего, телепортация, телепатия, независимость от удовлетворения физиологических потребностей организма и др. Один из величайших христианских мистиков Симеон Новый Богослов образно описывает это состояние как практически буквальное соединение со Христом:

«Мы делаемся членами Христовыми, а Христос — нашими членами:
И рука у меня, несчастнейшего, и нога — Христос.
А рука Христова и нога Христова — это я, несчастный.
Я двигаю рукой, и рука моя есть весь Христос, —
Ибо Божественное Божество ты должен считать неделимым, —
Я двигаю ногой, и вот, она блистает, как Он» [14, с. 643].

Таким образом, в православии сосуществуют два пути практической реализации монашеского призвания, соответствующие двум типам идентичности. Первый из них можно обозначить как путь духовного совершенствования, осуществляемого монахом в максимально возможном удалении от мира. Светскими и духовными исследователями выдвигаются следующие аргументы в его пользу:

- суть монашества во все времена одна, она не меняется; суть монашества — это откровение Евангельской истины, а Истина едина и неизменна;
- социальная деятельность вредна для монахов; она уводит монашество от Православия. Внутренне делание невозможно без уединения и молчания;
- прежде чем помогать другим, монах должен навести порядок в собственной душе; монах — это молитвенник за весь мир. Забота обо всех делает неудобным служение отдельным лицам и заставляет удаляться от них;
- благоустроенный внешний вид монастыря не всегда отражает высоту духовного подвига живущих в нем монахов;
- стремление к активной социальной деятельности — удел католического монашества; социальная роль православного монашества состоит в том, чтобы ее, социальной роли, не иметь;
- решения Четвертого Вселенского Собора (451 г.) предписывают монахам возлюбить безмолвие и предаться одному только посту и молитве в тех местах, где они поселились, и не заниматься ни церковными, ни житейскими делами;
- мир ждет от монахов не социальной деятельности, а прежде всего любви, сострадания и утешения.

Второй путь (тип идентичности) можно определить как социально ориентированное монашество. Странники этого пути высказывают следующие аргументы в его пользу:

- монашеское служение триедино: служение Богу, молитва за весь мир и служение ближним; прежде чем восходить на высоты монашеской молитвенной жизни, нужно стать просто порядочным и честным человеком;

• деятельность монастыря в любой сфере направлена на благо Церкви; чтобы проповедовать Православие в мире, нужно быть не чуждым современной действительности;

• можно за фасадом формальной «истинной» духовности скрыть отсутствие подлинной любви ко Христу и ближнему;

• все святоотеческие наставления нужно воспринимать в контексте эпохи, когда они были произнесены. Современные монахи должны их применять аккуратно и критично; после гонений, которые пережила Православная церковь в XX в., нельзя спешить с возвращением к древней практике жизни в монастырях;

• монах как человек обладает не только душой, но и телом. Молитва — дело души, а трудовая деятельность — для тела.

В *монашеской культуре* имеет место диалог с обществом посредством обращения к Богу. Созерцательное монашество рассматривает социальную работу как угрозу собственной идентичности. Идеалом здесь является воспроизведение лучших образцов монашеского подвига прошлых времен. В *монастырской культуре* имеет место диалог с Богом при посредстве ближнего. Социальная работа является органичной частью данной культуры, способствующей обретению соответствующей идентичности. Формы и области социальной работы избираются не только исходя из традиций монашества прошлых веков, но и с учетом современных вызовов. Различия идентичности в рамках монашеской и монастырской культур касаются не только социальной работы, но и ряда других проблем, связанных с организацией жизни современных монахов. В настоящее время эти вопросы активно обсуждаются в среде представителей культуры монашества [15]. Среди наиболее волнующих тем можно назвать следующие:

• проблема адаптации святоотеческих наставлений к контексту современной эпохи;

• проблема характера и меры монашеского труда и уровня комфорта жизни иноков;

• возможность отпуска для монашествующих;

• необходимость наличия у монашествующего трудовой книжки и страхового медицинского полиса [15].

Таким образом, воплощение евангельской максимы о любви к Богу и ближнему в культуре православного монашества имеет два основных направления — с акцентом на первой или второй части заповеди. Можно констатировать, что в культуре монашества при осуществлении стремления быть «не от мира сего», оставаясь «в мире сем», не соблюдается принцип единства времени и места. В процессе реализации двух описанных установок сформировались две модели идентичности с различающимися ценностно-иерархическими приоритетами. Для первой из них характерно восприятие любви к ближнему через любовь к Богу, для второй — представление о том, что к подлинной любви к Богу человек восходит через сострадательную любовь к ближнему. Эти две концепции сопряжены с соответствующими представлениями о мироустройстве, что позволяет первую из них обозначить как «монашеская культура», а вторую как «монастырская культура». Утверждение «монастырской» и «монашеской» культур в качестве равноправных позволяет снизить остроту вопроса о «правильности» одной из них.

Литература

1. Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983. 600 с.
2. Смолич И. К. Русское монашество. 988–1917. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1999. 607 с.
3. Васиховская Н. С. Киево-Печерский монастырь во второй половине XI — первой половине XIII века: автореф. дис... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. 16 с.
4. Синицына Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.) // Монашество и монастыри в России. XI–XX века. М.: Наука, 2002. С. 116–149.
5. Огієнко І. Українське монашество. Київ: Наша культура і наука, 2002. 396 с.
6. Leclercq J. The love of learning and the desire for God: A study of monastic culture. New York, NY: Fordham University Press, 1982. 415 p.
7. Монастырская культура: Восток и Запад: сб. статей / сост. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Альм. «Канун», 1999. 288 с.
8. Мони́н М. А. Антиномии монастырской культуры. URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-3/--> (дата обращения: 01.06.2014).
9. Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
10. Пиковский И. О современном монашестве: Беседа с наместником киевского Свято-Троицкого Ионинского монастыря архимандритом Ионой (Черепановым) // Православие.Ru. 29.08.2006. URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/060829165233.htm> (дата обращения: 01.06.2014).
11. Андрианов А. Ю. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри в России XIX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 27 с.
12. Астэр И. В. Современное русское православное монашество как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. 23 с.
13. Зайцев Б. Афон // Литературная учеба. 1990. № 4. С. 36–74.
14. Иларион (Алфеев). Православие: в 2 т. Т. 1. М: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 864 с.
15. Проблемы современного монашества. Ответы игумена Петра Мещеринова на вопросы монахини Филареты // Благодатный огонь. № 3. 21.01.2012. URL: <http://www.hram-evenkya.ru/novosti/problemuyi-sovremennogo-monashestva> (дата обращения: 01.06.2014).

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2014 г.